

УДК 811.161.1'42:82

UDC 811.161.1'42:82

СПЕЦИФИКА НАМЕКОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОБУЖДЕНИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1980–1990-х гг.

THE SPECIFICS OF HINTS WITH THE MEANING OF MOTIVATION IN RUSSIAN PROSE IN THE 1980s AND 1990s.

Н. А. Михальчук,

кандидат филологических наук,
доцент, докторант кафедры
русского языка БГУ

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2611-9486>

N. Mikhalchuk,

Candidate of philological sciences,
associate professor, doctoral student
of the Department of Russian Language, BSU
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2611-9486>

Поступила в редакцию 17.03.2025.

Received on 17.03.2025.

Исследуются намеки со значением побуждения в русской прозе 1980–1990-х гг. Разграничены понятия косвенного речевого акта и намека, определены признаки намека, среди которых дифференцирующим признаком названо отсутствие грамматических показателей непрямого значения. Обосновано, что высокая частотность намеков в текстах произведений русских писателей 1980–1990-х гг. обусловлена экстралингвистическим фактором, связана с изменениями в общественной жизни. Выявлены основные группы речевых актов в зоне высказываний, являющейся переходной между намеками и косвенными речевыми актами.

Ключевые слова: непрякая коммуникация, имплицитность, косвенность, намек с директивным значением.

The hints with the meaning of motivation in Russian prose of the 1980s and 1990s are investigated. The concepts of indirect speech act and hint are distinguished, the signs of hint are identified, among which the absence of grammatical indicators of indirect meaning is called a differentiating feature. It is proved that the high frequency of hints in the texts of the works of Russian writers of the 1980s and 1990s is due to an extralinguistic factor associated with changes in public life. The main groups of speech acts in the utterance zone, which is transitional between hints and indirect speech acts, are identified.

Keywords: indirect communication, implicitness, indirection, hint with a directive meaning.

Введение. Вслед за В. В. Дементьевым мы определяем непрякую коммуникацию как «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [1, с. 5]. В. В. Дементьев выделяет основные показатели непрякой коммуникации, к которым относит косвенный способ передачи информации, наличие смысловых лакун, непредсказуемость реакций адресата, интенциональность реплик говорящего [1].

В настоящее время в понятие непрякой коммуникации лингвистами включается широкий перечень разнообразных явлений, в частности, косвенные речевые акты наряду с намеками, речевыми эвфемизмами, тропами и ироническими высказываниями [1–3].

Специалистами в области прагмалингвистики и речевой коммуникации явления намека (имплицатуры) и косвенного речевого акта, как правило, разграничиваются, определяются как различные типы, виды или способы выражения непрякой коммуникации [1–3]. Например, В. В. Дементьев рассматривает имплицитность как принцип передачи содержания текста и в качестве одной из составляющих категории непрякой коммуникации, наряду с такими лингвистическими явлениями, как косвенные речевые акты, тропы, иронические высказывания, «игры» [1, с. 12]. В то же время авторы научных трудов обычно ограничиваются характеристикой понятий «косвенный речевой акт» и «намек» (имплицатура, имплицитное высказывание),

мало внимания уделяя вопросу о критериях их разграничения.

К имплицатурам дискурса Е. В. Падучева относит «компоненты содержания высказывания, которые не входят в собственно смысл предложения, но “вычитываются” слушающим в контексте речевого акта» [4, с. 42]. Извлечению имплицитного смысла из высказываний, по мнению лингвистов, может способствовать не только контекст, но и коммуникативные постулаты Г. П. Грайса, объединенные принципом кооперации [5]. В рамках принципа кооперации Г. Грайса были сформулированы правила взаимодействия коммуникантов, результатом соблюдения которых должно стать эффективное сотрудничество говорящего и адресата [5]. Так, намеки могут быть порождены в результате нарушения постулата информативности, в соответствии с которым требуется предоставить адресату достаточно информации для понимания намерения говорящего, а также постулата ясности выражения, побуждающего избегать неоднозначности.

Принимая определение Н. И. Формановской, побудительность мы считаем одним из «целесолаганий говорящего, отражающим его волеизъявление, с одной стороны, а с другой – побуждение к действию адресата» [6, с. 188]. К намеку со значением побуждения мы относим высказывание, в рамках которого директивное прагматическое значение не выражено при помощи структурных и смысловых компонентов речевого акта, а имплицитно выражено в пропозициональном содержании, требуя дополнительных усилий со стороны адресата для интерпретации.

В качестве материала для анализа были выбраны произведения А. Битова «Улетающий Монахов», «Рассеянный свет», «Человек в пейзаже», «Преподаватель симметрии»; С. Довлатова «Компромисс», «Заповедник», «Иностранка», «Ремесло», «Чемодан»; В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени», «Человек свиты», «Антилидер», «Где сходились небо с холмами», «Сюр в пролетарском районе», «Лаз», «Стол, покрытый сукном с графином посередине», «Кавказский пленный», «Один и одна» [7–9].

Цель данной статьи – обоснование частотности намеков и выявление характерных черт реализации побуждения с помощью намеков в частном дискурсе русской прозы 1980–1990-х гг. В качестве объекта исследования в работе выступают намеки со значением побуждения, функционирующие в диалогах персонажей произведений русских писателей 1980–1990-х гг. Предмет исследования – специфика имплицитного выражения побуждения в частном дискурсе в русской прозе 1980–1990-х гг.

Аналізу подлежить група намеков со значением побуждения (общее число высказываний – 110). Изучение косвенных речевых актов проводится в контексте диалога. В качестве методов исследования были использованы метод контекстуального анализа, анализа и синтеза, компаративный метод. Высказывания, релевантные для проблематики статьи, отбирались методом сплошной выборки.

Основная часть. В рамках непрямої комунікації ми розграничуємо явлення косвенности и имплицитности, выделяя соответственно два типа непрямых высказываний – косвенный речевой акт и намек (имплицатура, имплицитное высказывание).

Основным признаком, позволяющим дифференцировать косвенные и имплицитные высказывания, считаем наличие у косвенных речевых актов *грамматических показателей непрямої реализации прагматического значения* и отсутствие подобных маркеров у имплицатур.

Среди признаков косвенных речевых актов со значением побуждения назовем следующие: 1) наличие у высказывания двойной иллокутивной функции – сообщение или вопрос и побуждение; 2) указание в речевом акте на действие, к выполнению которого побуждается адресат; 3) наличие грамматических показателей косвенности, среди которых – модальные лексемы со значениями необходимости, возможности, долженствования; глаголы в форме второго лица будущего времени; глаголы в форме первого и второго лица субъюнктива; конструкция «хочу, чтобы ты совершил действие»; вопросительные конструкции, построенные по определенным речевым моделям и некоторые другие. Ср. «*Не мог бы ты закрыть окно?*»; «*Закрыв бы ты окно*»; «*Тебе надо закрыть окно*» (= закрой окно; косвенные речевые акты со значением просьбы, совета).

К признакам имплицитных высказываний (намеков, имплицатур) относим следующие: 1) же-

лаемое для говорящего действие адресата и побуждение к нему имплицитно в пропозиции высказывания; 2) отсутствуют грамматические показатели непрямої репрезентации коммуникативной интенции; 3) намеки неоднородны с точки зрения степени зашифрованности интенции и могут дифференцироваться как, с одной стороны, явные, прямые, прозрачные и, с другой – скрытые, неявные, туманные.

Обратимся к примерам имплицатур в художественном тексте. Ср.: «*Но я не уходил. – Поздно. Буду спать ложиться, – проговорила она робко*» (= уходите; неявный намек) (В. Маканин); «*Хотите, приеду к вам на чай?.. Я думаю, лучше днем, когда тихо и спокойно? И с улыбкой: – Если выпивка тоже будет, она нам с вами не помешает, верно?*» (= приготовьте выпивку; явный намек на выполнение действия) (В. Маканин).

Особое место среди намеков занимают высказывания, относящиеся к так называемой переходной (синкретичной) зоне между имплицатурами и косвенными речевыми актами. У таких речевых форм, с одной стороны, могут наблюдаться формальные показатели косвенности, двойная иллокутивная функция, а с другой – желаемое для адресата действие и побуждение к нему в них, как правило, скрываются в пропозиции. Данные речевые формы относятся и к намекам, и к косвенным речевым актам. Покажем это на примерах. Ср.: «*Я сделался небрежен: «Мне нужно лечение. Мне все равно – где»* (= положите меня в больницу) (В. Маканин); «*Мне бы Сорокина разыскать*» (= помогите мне) (С. Довлатов).

Соотношение количества намеков в творчестве писателей анализируемого периода отражено в таблице 1.

Таблица 1 – Объем имплицатур в прозе русских писателей 1980–1990-х гг.

Автор	Имплицатуры со значением побуждения (намеки) процент от общего числа непрямых высказываний в творчестве писателя (количество единиц)
В. Маканин	25 % (70)
С. Довлатов	13 % (34)
А. Битов	7 % (6)

В русской прозе 1980–1990-х гг. по сравнению с текстами предшествующих периодов наблюдается заметное увеличение количества имплицатур. Так, в исследуемый период имплицитные высказывания составляют 17 % от общего числа непрямых высказываний. Для сравнения приведем статистические данные для других эпох. Как показывают результаты наших исследований, в 1900–1917-е гг. удельный вес намеков снижается в 8,5 раз по сравнению с данным показателем и составляет 2 % случаев от общего числа непрямых речевых актов. В 1950–1970-е гг. имплицатуры представлены 5 % от общего числа непрямых высказываний [10].

Увеличение объема имплицитных высказываний в текстах анализируемого периода мы связываем с экстралингвистическим фактором и объясняем тремя основными причинами.

Во-первых, установление демократической системы способствует формированию устойчивой тенденции демократизации в русском речевом общении, что приводит к ярко выраженному я-ориентированному стилю речевой коммуникации персонажей. Увеличивается количество эпизодов самораскрытия языковых личностей, случаев экспликации говорящими собственных потребностей и желаний, что зачастую создает основу для формирования намеков. Ср. «Я хочу продолжить разговор без свидетелей. Останутся, – (томительная пауза), – Баскин, Дроздов и Серега» (= пусть остальные уходят; намек) (С. Довлатов); «Я хочу в ресторан, а ты меня не приглашаешь!» (= пригласи; намек) (С. Довлатов); «Я бы выпил бульону» (= приготовь; намек) (А. Битов).

Во-вторых, реализации интенций с высокой степенью зашифрованности актуализируются в связи с описанием незаконной деятельности персонажей, по причине того, что действия, к которым говорящие побуждают адресатов, зачастую являются противоправными и побуждения к ним не могут быть эксплицированы в диалогах. Всплеск преступности в 1980–1990-е гг. привел к отражению в текстах реалистических произведений дискурсов языковых личностей, занимающихся незаконной деятельностью. В литературе этого времени представлены новые и весьма нестандартные речевые ситуации, такие как «диалог фарцовщиков» (С. Довлатов), «шантаж, осуществляемый свидетелем убийства» (В. Маканин), «склонение к признанию в преступлении пациента больницы» (В. Маканин). Безусловно, во всех этих случаях невозможна ни прямая, ни косвенная коммуникация – в ход у персонажей идет язык намеков или имплицатур.

Так, в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» персонаж, прибегающий к шантажу, утверждает, что будет говорить прямо, а в действительности делает намеки на действия адресата, в которых заинтересован. «– Алло. – Петрович?.. Приве-ет, – баском заговорил. (Незнакомый мне голос.) – Я буду говорить прямо: не люблю тянуть. (Он хе-хекнул. Простецки. Мол, все мы люди). Я знаю о тебе. Знаю про ту скамейку. Но я хочу что-то иметь за мое молчание. Он тут же добавил, что именно: – Деньги. – Да ну? – сказал я. (Холодок не возник. Не чувствовал). Я ждал. Пусть скажет что-то еще. – Получу деньги – буду молчать». (= давай деньги, чтобы я не рассказал о том, что видел; намек) (В. Маканин).

«Теневая» деятельность персонажей в повести С. Довлатова «Чемодан» также приводит к появлению в их дискурсах недомолвок и иносказаний с побудительным значением. Ср. «Мы решили пройти в дальний угол. Но тут Фреда остановил юноша в серебристой дакроновой куртке. Состоялся несколько загадочный раз-

говор: – Приветствую вас. – Мое почтение, – ответил Фред. – Ну как? – Да ничего. Юноша разочарованно приподнял брови. – Совсем ничего? – Абсолютно. – Я же вас просил. – Мне очень жаль. – Но я могу рассчитывать? – Бесспорно. – Хорошо бы в течение недели. – Постараюсь. – Как начет гарантий? – Гарантий быть не может. Но я постараюсь» (= достань товар; намек) (С. Довлатов).

В-третьих, использование имплицатур объясняется общим стремлением к вежливости в приятельском и семейном гипержанрах межличностного общения. В рассматриваемый период идет на убыль всплеск речевой агрессии 1950–1970-х гг., по сравнению с советской эпохой снижается конфликтность коммуникации, усиливается тенденция к выбору партнерами по общению вежливых и кооперативных вариантов взаимодействия.

Ср.: «Мы опять на кухне, кофе, и Курнеев заводит старую песню: – Мы, Петрович, мужчины – за женщину в ответе... Я молчу. – Если мужчина вдруг заметил грешок за чьей-то женой, не надо, чтобы знали все, ты согласен? Не надо лишней болтовни. Не надо скандала. Спокойно предупредить мужа – это и значит помочь семье пережить трудный час... Он ждет. Я молчу». Параметры ситуации: диалог сторожа и жильца. (= Расскажи, что ты знаешь о моей жене; неявный намек на выполнение действия) (В. Маканин). «– Ты аморальный человек? – спросила она. – Не совсем. – Значит, отказываешься? – Тийна! – взмолился я. – Так это не делается». Параметры ситуации: разговор коллег. (= Давай вступим в связь; туманный намек) (С. Довлатов). «Я бы тоже вот этих штук поел... – снисходительно шутил он жене, которая, классически подперев щеку, наблюдала жующего сына». Параметры ситуации: семейная беседа за столом (= Дай этих штук; явный намек) (А. Битов).

В 1980–1990-е гг. распространенными становятся намеки, относящиеся к зоне, являющейся переходной между намеками и косвенными высказываниями, такие, в которых выявляются языковые показатели непрямого выражения интенций. Наиболее частотными группами в рамках данного типа не прямых реализаций намерений являются следующие:

- 1) высказывания с модальными лексемами со значением необходимости, ср.: «– А ты позаботился о том, как твоя семья – твоя жена и твой сын – проведут лето? Нет, ты скажи: должен или не должен муж думать о лете? <...> – Футбол надо смотреть с удовольствием, а если смотреть под твой скрип, то лучше сразу выключить!» (= замолчи, оставь меня в покое; явный намек на прекращение действия) (В. Маканин); «Анне нужны деньги. Ей улететь не на чем» (= дай ей денег; явный намек) (С. Довлатов). Подобные намеки обычно не характеризуются высокой степенью зашифрованности, – в большинстве случаев они явные и прямые;

- 2) конструкции с глаголом в форме первого и второго лица субъюнктива: «*Она смутилась, но не опустила глаза и (с плавающей краснотой на щеках – вспыхнули чуть) продолжила: – Если б мы были друзьями. Тогда понятно. А просто так – как леать-то?*» (= давай будем друзьями; явный намек) (В. Маканин); «*Моя жена говорит, если бы ты оделся как следует...*» (= оденься; явный намек) (С. Довлатов). Как правило, намеки с таким речевым оформлением могут быть охарактеризованы как «явные», «прозрачные»;
- 3) конструкции с глаголом «хотеть» в форме первого лица, ср.: «*Аня вдруг разыгралась и стала неумной: – Хочу шампанского! <...> Хочу шампанского!*» – *вновь требовала она*» (= принесите; явный намек на выполнение действия) (В. Маканин). Такого рода намеки, в зависимости от контекста, в котором употребляются, могут быть описаны в широком диапазоне характеристик: среди них есть как «явные», «прямые», так и «скрытые», «туманные».
- Заключение.** Таким образом, признавая существование переходной области между косвенными речевыми актами и импликатурами, основным дифференциальным признаком намеков мы счи-

таем отсутствие у них грамматических показателей непрямой реализации прагматического значения. Намеки характеризуются имплицированием интенции в пропозиции, неоднородностью с точки зрения степени зашифрованности намерения.

Русская проза 1980–1990-х гг. характеризуется увеличением объема имплицитных высказываний по сравнению с текстами предыдущих периодов, что обусловлено экстралингвистическим фактором. Причины частотности намеков в прозе анализируемого периода следующие: 1) демократизация общества и речевого общения, которые определяют стремление языковой личности к самовыражению, к экспликации желаний и потребностей; 2) регулярность изображения незаконной деятельности героев, которая набирает обороты в обществе; 3) общее повышение речевой культуры, стремление коммуникантов к выбору вежливых и кооперативных речевых форм. В анализируемый период актуализируется синкретичная зона между намеками и косвенными речевыми актами, которая представлена следующими частотными группами речевых актов: 1) высказывания с модальными лексемами *надо, нужно, должен*; 2) конструкции с глаголом в форме субъюнктива; 3) конструкции с предикатом *хотеть*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 374 с.
2. Нестерова, Т. В. Непрямая коммуникация в этикетных ситуациях обиходной сферы / Т. В. Нестерова // Русский язык в контексте культуры : сб. науч. ст. участников Междунар. науч. конф., провед. в МГУ им. А. А. Кулешова 10–11 нояб. 2009 г. / Могилев. гос. ун-т ; под общ. ред. Т. Г. Михальчук. – Могилев, 2010. – С. 18–21.
3. Кита М. Невыразимое, невыражаемое и невыраженное для носителя языка / М. Кита // Прямая и непрямая коммуникация : сб. науч. ст. / Саратов. нац. исслед. гос. ун-т ; редкол.: В. В. Дементьев (отв. ред.) [и др.]. – Саратов, 2003. – URL: <https://old.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanny-rechi/materialy-vypuskov/pryamaya-i-nepryamaya-kommunikaciya> (дата обращения: 05.02.2025).
4. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью / Е. В. Падучева. – 3-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 288 с.
5. Грайс, Г. Логика и речевое общение / Г. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. – М., 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 217–238.
6. Формановская, Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. – М. : Ин-т рус. яз., 1998. – 291 с.
7. Битов, А. Империя в четырех измерениях: Империя I. Аптекарский остров: роман, повесть, рассказы / А. Битов. – СПб. : ТИД Амфора, 2008. – 555 с.
8. Довлатов, С. Заповедник и другие истории: повести, рассказы / С. Довлатов. – СПб. : Азбука-Аттикус, 2013. – 544 с.
9. Маканин, В. Андеграунд, или Герой нашего времени / В. Маканин // Знамя. – 1998. – № 1. – С. 5–107.
10. Михальчук, Н. А. Косвенные реализации интенции побуждения в художественном тексте: диахронический аспект / Н. А. Михальчук // Русский язык: система и функционирование : материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию филол. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 22–23 окт. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И. С. Ровдо (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – С. 147–152.

REFERENCES

1. Dement'ev, V. V. Nepryamaya kommunikaciya / V. V. Dement'ev. – M. : Gnozis, 2006. – 374 s.
2. Nesterova, T. V. Nepryamaya kommunikaciya v etiketnyh situacijah obihodnoj sfery / T. V. Nesterova // Russkij yazyk v kontekste kul'tury : sb. nauch. st. uchastnikov Mezhdunar. nauch. konf., proved. v MGU im. A. A. Kuleshova 10–11 noyab. 2009 g. / Mogilev. gos. un-t ; pod obshch. red. T. G. Mihal'chuk. – Mogilev, 2010. – S. 18–21.
3. Kita M. Nevyrazimoe, nevyrazhaemoe i nevyrazhennoe dlya nositelya yazyka / M. Kita // Pryamaya i nepryamaya kommunikaciya : sb. nauch. st. / Sarat. nac. issled. gos. un-t ; redkol.: V. V. Dement'ev (otv. red.) [i dr.]. – Saratov, 2003. – URL: <https://old.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanny-rechi/materialy-vypuskov/pryamaya-i-nepryamaya-kommunikaciya> (data obrashcheniya: 05.02.2025).
4. Paducheva, E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu / E. V. Paducheva. – 3-e izd. – M. : Editorial URSS, 2002. – 288 s.
5. Grajs, G. Logika i rechevoe obshchenie / G. Grajs // Novoe v zarubezhnoj lingvistike: sb. st. – M., 1985. – Vyp. 16: Lingvisticheskaya pragmatika. – S. 217–238.
6. Formanovskaya, N. I. Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinic obshcheniya / N. I. Formanovskaya. – M. : In-t rus. yaz., 1998. – 291 s.
7. Bitov, A. Imperiya v chetyreh izmereniyah: Imperiya I. Aptekarskij ostrov: roman, povest', rasskazy / A. Bitov. – SPb. : TID Amfora, 2008. – 555 s.
8. Dovlatov, S. Zapovednik i drugie istorii: povesti, rasskazy / S. Dovlatov. – SPb. : Azbuka-Attikus, 2013. – 544 s.
9. Makanin, V. Andegraund, ili Geroj nashego vremeni / V. Makanin // Znanya. – 1998. – № 1. – S. 5–107.
10. Mihal'chuk, N. A. Kosvennye realizacii intencii pobuzhdeniya v hudozhestvennom tekste: diahronicheskij aspekt / N. A. Mihal'chuk // Russkij yazyk: sistema i funkcionirovanie : materialy X Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 85-letiyu filol. fak. Belorus. gos. un-ta, Minsk, 22–23 okt. 2024 g. / Belorus. gos. un-t ; redkol.: I. S. Rovdo (gl. red.) [i dr.]. – Minsk : BGU, 2025. – S. 147–152.